

обследуемых территорий определяет огромное количество лакун, существование которых в значительной мере обесценивает сопоставительскую работу.

Рождаются ли в недрах говора новые лексемы? Какова их тематическая принадлежность, семантическая характеристика, словообразовательная структура? На эти вопросы у диалектологов пока нет материала для ответа, поэтому лучше, наверное, избегать пометы «нов.» в диалектных словарях. Севернорусская лексикография завершает первый этап своего становления. Перед нами стоит задача вторичного обследования тех же территорий, лексика говоров которых воплощается сейчас в новых лексикографических трудах. Именно тогда, когда это обследование покажет разницу между тем, что было и что стало, помета «нов.» обретет объективность и значимость.

Л.Г.Гусева

Локальные пермские элементы в устаревшей лексике, характеризующей человека

Лексика русских народных говоров, являясь составной частью лексики русского национального языка и будучи продуктом исторического развития языка в многообразии территориального варьирования, подвергается существенным изменениям как собственно языкового, так и экстралингвистического характера, что отмечается специалистами в области региональной и исторической лексикологии. Ф.П.Сорокалетов и О.Д.Кузнецова считают, что «о лексическом составе русских диалектов даже недавнего прошлого уже нельзя судить по данным современных говоров»³².

Материалы современных региональных словарей в сопоставлении с данными по XIX в. дают возможность рассматривать в движении диалектную лексику определенной территории.

Так, сравнение диалектного лексического материала на территории бывшей Пермской губернии (по данным различных письменных источников XIX в., в том числе и лексикографических) с материалами современных уральских словарей («Словаря русских говоров Среднего Ура-

---

³² Сорокалетов Ф.П., Кузнецова О.Д. Очерки по русской диалектной лексикографии. Л., 1987. С.6.

ла» и Дополнений к нему, «Словаря говоров Соликамского района Пермской области», «Словаря деревни Акчим Пермской области») позволяет говорить о наличии большого и тематически разнообразного круга слов, которые либо совершенно вышли из употребления, либо живут в пассивном лексическом запасе диалектоносителей старшего поколения.

Среди этих слов несомненный интерес представляют слова, характеризующие человека, и прежде всего – имена существительные, преимущественно с отрицательной коннотацией.

Многие из них имеют соответствия в говорах Русского Севера, что совершенно закономерно: уральские говоры в большинстве своем являются дочерними по отношению к говорам севернорусским. Наряду с этим вычленяется значительный пласт слов, которые зафиксированы на Урале в XIX – начале XX в. и в «Словаре русских народных говоров» (СРНГ) имеют только географическую помету «пермское». Анализ этих слов свидетельствует о разной степени их устаревания и связи с лексикой современных уральских говоров.

Отдельную группу составляют слова, которые не только отсутствуют в современных уральских словарях, но и не находят себе в них однокоренных с соотносимой, сходной семантикой:

бакасырь ‘сорванец, озорник’ Перм., 1930 (СРНГ 2, 59);

балабызиха ‘болтун, краснобай’ Усол. Перм., 1852 (СРНГ 2, 59);

безгодок ‘бестолковый человек’ Соликам. Перм., 1850 (СРНГ 2, 185);

безузорица ‘бестолковая женщина’ Охан. Перм., 1930 (СРНГ 2, 201);

белес ‘монастырский рабочий, работающий по найму или на добровольных началах, не постриженный в монахи’ Исет. Перм., 1923 (СРНГ 2, 211). Ср.: **бѣлец** ‘житель монастыря, не постриженный в монахи’³³;

бокалюга ‘человек с уродливой рукой’ Охан. Перм., 1930 (СРНГ 3, 68);

ваула, м. и ж. ‘тот, кто страдает заиканием; заика’ Шадр. Перм., 1852; ‘тот, кто страдает косноязычием’ Перм., Даль (СРНГ 4, 73);

---

³³ Словарь пермских памятников XVI – начала XVIII в. / Сост. Е.Н.Полякова. Пермь: Изд-во Перм.ун-та, 1993. Вып. 1: А–Г. С.28.

возуля, *м. и ж.* ‘джец’ – *Слушай ты этого возулю, через шлею везёт; десятому слову не верь* – Перм., 1856; ‘тот, кто неверно, неправильно поет, фальшивит’ Перм., 1856 (СРНГ 5, 29–30);

едукарь ‘дока, смысленный, умный человек’ Шадр. Перм., 1852; Перм., Даль (с вопросом к слову) (СРНГ 8, 324);

ерефёлка ‘непостоянная, вертлявая, злоязычная женщина’ – *Ерефёлка-то эта завсе перебегат из дому в дом, то туды, то сюды, везде тараторит, того да другого перешевёрнёт* – Перм., Луканин (с пометой “бранное слово”), 1856 (СРНГ 9, 24);

звякала Перм., Даль, **звякалец** Перм., 1858 ‘скупец, скряга, считающий по ночам деньги’ (СРНГ 9, 226);

мачуфрон, **мачуфронья** ‘сладкоежка, лакомка’ Усол. Перм., 1852 (СРНГ 18,56);

миндур ‘любовник’ Охан. Перм., Миртов, 1930 (СРНГ 18, 167);

мисига ‘о жадном человеке’ Соликам. Перм., 1930 (СРНГ 18, 176);

набережный ‘сторож дровяного склада на берегу реки’ Соликам. Перм., 1881 (СРНГ 19, 112).

Отсутствуют в современных уральских словарях и слова:

алышка ‘татарка’ Верхот., Осин., Перм., 1899 (СРНГ 1, 244); ср. **алыш** ‘друг’, отмеченное В.В.Радловым в барабинском и туралинском наречиях татарского языка³⁴;

мухоедан ‘магометанин’ Шадр. Перм., 1895 (СРНГ 19, 37); слово, возможно, возникло в результате народной этимологии из *Мухамедзян*.

Вторую группу составляют слова, не отраженные в современных уральских словарях, но имеющие, по данным этих словарей, однокоренные семантически соотносящиеся образования в уральских говорах:

базуна, *м. и ж.* ‘прозвище ревуна, крикуна’ Екатеринбург. Перм., 1899 (СРНГ 2, 51), **базоня**, *м. и ж.* 1. ‘крикун’ Исет. Перм., 1923 (СРНГ 2, 51); ср.: **базать** Копт., **базить** Асб. ‘кричать, орать’ – *С ярманки ехал, всю дорогу песни базал* (СРГСУ-Д, 12); **базыка**, *общ. неодобр.* ‘о животном, издающем громкий крик, или о человеке (обычно о ребенке), очень громко плачущем, кричащем’ (Акчим 1, 47);

балбер ‘шутник, балагур’ Перм., 1852 (СРНГ 2, 77); ср.: **балберя**, *м. и ж.* ‘бестолковый упрямый человек’ Кунг. (СРГСУ-Д, 13); **балбе-**

---

³⁴ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. СПб., 1893. Т. 1, ч.1. С.382.

рия, *бран.* 'о мужчине (обычно мальчике), поступающем неразумно, бестолково' (Акчим 1, 49);

баломыка, *м. и ж.* 'тот, кто шатается, слоняется без дела' Охан. Перм., 1930 (СРНГ 2, 86); ср.: **баломило** *экспр.* 'лентяй' Верхот. – *Баламило, нищевое не делат* (СРГСУ 1, 32);

барабора, *м. и ж.* 'суеливый, не способный сидеть смирно человек; непоседа' Осин. Перм., 1896; Верхот. Перм. (СРНГ 2, 101); ср.: **барабать** 'беспорядочно двигать ногами (о ребенке)' (СРГСУ 1, 34); **барабаться** (и **барабкаться**) 'барахтаться, возиться' (Соликам., 32); **барабить** 'буянить' Шал. (СРГСУ-Д, 14); **барабоша**, *м. и ж.* 'беспокойный, надоедливый человек' Кр-Уф. (СРГСУ-Д, 15);

бардадуй 1. 'глупый или прикидывающийся дурачком человек' Шадр. Перм., 1924; 2. *перен.* 'плохой квас, хлеб и т.п.' Шадр. Перм., 1859 (СРНГ 2, 112); ср.: **бардадым** *насмешлив., неодобр.* 1. 'высокий и неуклюжий человек' – *Такой бардадым вырос* (Бел.); 2. 'лентяй, недотепа' Верхот. – *Смущалась я с ним, вовсе нищевое не понимает, бардадым* (Верхот.) (СРГСУ 1, 35);

безусталица 'человек, неутомимый в работе' Шадр., Камышл., Екатеринбург., 1923 (СРНГ 2, 203); ср.: **безусталой** 'не знающий усталости, не устающий' – *Ты, Марья, безусталая, с утра до поздней ночи робиш* (Петр.) – (СРГСУ 1, 40);

бобоша, *м. и ж.* 'человек, который много «бобочет», говорит без толку' Охан. Перм., 1880 (СРНГ 3, 38); ср.: **боботать** 'издавать звуки, похожие на бо-бо-бо (о птицах или животных)' – *Филин бобочет. Птица бобочет весной* (Акчим 1, 75);

верня 'бойкая женщина или девушка' Соликам. Перм., 1852; 'вертлявая?' Перм., Даль (СРНГ 4, 147); очевидна (с учетом семантики слова и данных В.И. Даля) связь с вертуль 'непоседа' (СРГСУ 1, 71), **вертоха** *м. и ж.* 'непоседа' Сукс., **вертуган** 'легкомысленный ветренный человек, вертопрах' (СРГСУ-Д, 61), **вертушка** 'об излишне подвижной женщине' – *Бойко вертится, много говорит – вот и вертушка*; 'о легкомысленной, ветреной женщине' – *Иная перед мужиками вертится, вертушка* (Акчим 1, 118);

воссейка 'бойкая, непоседливая женщина' Перм., Муллов (СРНГ 5, 131), **восси́ха** и **восси́ха́** 'бойкая женщина, непоседа' Перм., 1858 (СРНГ 5, 146); ср.: **васся** (и **воссия**), **воссёвка**, *м. и ж., экспр.* 'о тех, кто много бегают, толкается, шумит' (СРГСУ 1, 68), **воссия** *общ. экспр.*

‘о неусидчивом, суетливом человеке’ – *Ох-де ты такая восся! Никак тебе не сидится на одном месте! Пришёл восся, завертелся* (Акчим 1, 150);

выслядь ‘высокий, худой человек’ Чердын. Перм., 1930 (СРНГ 6, 24); ср.: **вислеть, висля, экспр.** 1. ‘большая поджарая собака’; 2. *перен.* (о человеке) ‘долговязый’ – *Вон вислеть какая* (Н-Лял); *Вон вислеть идёт* (Н-Таг, Л); очевидно, слово **выслядь** – результат контаминации **высокий** и **висеть** на словообразовательном уровне;

мизя ‘о близоруком, с плохим зрением человеке’ Шадр. Перм., 1856 (СРНГ 18, 157); ср. **мизовать** ‘близоруко приглядываться, шурить-ся’ Копт. (СРГСУ-Д, 300), **мизики, экспр.** ‘глаза’ (Соликам, 307); ср. также: **мизати** ‘мигать, моргать’ Лекс. Берынды, 118, 1627 – *Каковы убо имуть быти очи (у скромного ребенка); О[твет] Не пониклы не оплазивы, ни скоро обратны, не по оку зрительны, не велими отверзены, не часто мизающихи веждами* Гражд.об.дет., 35. ХУП в.³⁵;

пикляш ‘о человеке небольшого роста’ Перм., 1850 (СРНГ 22, 24); ср.: **пикоть** ‘очень густой мелкий лес’ Центр, Сев; Гар, Кр-Уф, Кушв, Н-Тур, Сукс.; *перен. собирает.* ‘маленькие дети’ Верхот. – *Эка-то пикоть серянки схватят и под заплотом костёр уж раз пять разводили* (Верхот, 3); **пикотник** ‘очень густой мелкий лес’ Ср-Ур, Чус; *пикотье собирает.* ‘мелкие деревья и кустарники в лесу’ Махн. (СРГСУ 4, 27); **пика** ‘мелкий лес’ Шал. (СРГСУ-Д, 404); ср. также: «**пикушной** ‘маленький, невзрачный’ олонецк. (Кулик.); из карел. **pikku** ‘маленький’, фин. **pikku, pikkuinen** ‘то же’ (Калима, 185)»³⁶.

Часть рассматриваемых на уровне двух соседних веков слов отличается своим фонемным составом, что свидетельствует о лексикализации фонетических явлений:

басалга, м. и ж. ‘глупый или безнравственный человек’. Иногда *бран.* Осин. Перм., 1896 (СРНГ 2, 128); ср.: **басарга, м. и ж.** ‘беспутный человек’ Кушв. (СРГСУ 1, 36); относительно мены *р/л* ср.; **пролубка** ‘маленькая прорубь’, **пролубное**, в *знач. существ.* ‘плата за пользование водой из проруби’, **пролубщик** ‘человек, который чистит прорубь’, **пролубь** ‘прорубь’ (СРГСУ 5, 29); **свальба, сварьба** ‘свадьба’ (СРГСУ 5, 114–115);

³⁵ Словарь русского языка XI – ХУП вв. М., 1982. Т.9. С. 149.

³⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971. Т.3. С.261.

ватаракша, м. и ж. бран. 'непорядочный плохой человек; негодник, негодница' – *Эко ватаракша! ей говоришь, она ещё и зубы выставляет [грубит]. Заставь этого ватаракшу чего-нибудь сделать, так он всё назгал: взял да из чистого ведра скотину поит, а ономедни опять из большой кадки воду черпат чистым ковшом. Велика ли ватаракша, ещё семи годов, а такая упрямая да своебытная! А пакоститъ – дак её дело.* – Перм., 1856 (СРНГ 4, 70); примечательно, что на этой же территории засвидетельствовано слово **ватарахша** 'ящерица' Осин. Перм., 1896 (СРНГ 4, 70); ср. **ватаракша**, м. и ж. бран. 'негодный' Кунг. (СРГСУ 1, 68); Ср. также: *пугвица, луквица, жавронок, сывротка, моркотной и др.*³⁷;

вельгуша 'тот, кто говорит плаксивым голосом, хнычет' Перм., 1852 (СРНГ 4, 110); ср.: **венгуша**, м. и ж. *экспр.* 'плакса, нытик' Пышм, Реж, Шадр (СРГСУ 1, 69), **веньгуша** Верхот; **Стяжк**; **веньга** Бел. м. и ж. 'плакса' – *Веньгуша всё ходит хныкат* (Верхот, Карелино) (СРГСУ-Д. 59); ср. также: **гребёлка** 'гребенка' (Север, Урал, Сиб., Дальний Восток), **гребёлочка** (Олон., Яросл., Тобол., Том.), **присталь** 'пристань' (Олон., Курск), **сухмель** 'сухмень' (Валд., Боров., Новг.)³⁸.

Анализ представленного материала позволяет сделать некоторые выводы.

При решении вопроса о причинах и степени устаревания диалектного слова важными являются как собственно языковые факторы (место, которое занимает слово в системе других слов в зависимости от его словообразовательных и семантических связей; широта распространения слова в говорах; наличие соответствующего эквивалента в литературной и шире – в общенародной лексике), так и внеязыковые. Например, явно за ненадобностью со временем забыто слово **белес** 'монастырский рабочий, работающий по найму или на добровольных началах, не постриженный в монахи'. Вытеснены общенародными эквивалентами **альпшка** 'татарка' и **мухоедан** 'магометанин'.

Отсутствие словообразовательных и семантических связей с лексикой современных уральских говоров, безусловно, способствовало забвению таких слов, как **бакасырь** 'сорванец, озорник', **ваула** 'заика', **едукарь** 'дока, смышленный, умный человек', **ерефёлка** 'непостоянная,

³⁷ См. об этом: Кузнецова О.Д. Актуальные процессы в говорах русского языка. Л., 1985. С. 114–122.

³⁸ Там же. С.44.

вертлявая, злаязычная женщина', мачуфрон, мачуфронья 'сладкоежка, лакомка', миндур 'любовник', миси́га 'жадный человек' и др.

Слова же локально пермские (многие рассмотренные лексемы вошли в СРНГ из «Опыта областного великорусского словаря» либо просто с пометой Перм., либо с конкретизацией – указанием на уезд(ы) в составе Пермской губернии – Верхот., Исет., Камышл., Охан. и др.), но имеющие однокоренные семантические соответствия в современных уральских говорах, более узнаваемы, понятны, и в связи с этим сам по себе факт отсутствия подобных слов в современных уральских словарях не может расцениваться как абсолютный критерий полного забвения и утраты их в диалектной среде: вполне возможно, что часть их просто еще не зафиксирована.

Для этой группы слов характерно наличие в XIX – XX вв. вариативности на уровне словообразования (базу́ня – базо́ня – базы́га – ба́зыка, ба́лбер – ба́лберя – ба́лберия, ба́рабора – ба́рабоша, во́сейка – во́ссиха – во́ссия – во́ссёвка), фонемного состава (ба́салга – ба́сарга, ва́таракша – ва́тракша, ве́льгуша – ве́ньгуша), свидетельствующей о том, что «любая система в языке обладает достаточной гибкостью, чтобы допускать бесконечное число связей, отношений, свойств и их комбинаций»³⁹. Рассмотрение вариативности диалектного слова в диахроническом аспекте особенно важно, т. к., по мнению Р.И.Аванесова, «многообразие диалектных различий – это живая история, проецированная в пространство, это как бы пространственная проекция пережитых исторических процессов»⁴⁰.

В статье приведено лишь незначительное количество устаревших уральских слов. Вместе с тем представленный материал еще раз убеждает в необходимости тщательного изучения лексики живой народной речи как для решения вопросов, связанных с судьбой конкретных говоров, так и для русской исторической лексикологии в целом.

---

³⁹ Маковский М.М. Соотношение необходимости и свободы в лексико-семантических преобразованиях // *Вопр. языкознания*. 1977. № 3. С. 72.

⁴⁰ Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная фонетика. М., 1974. С. 122.